

Двадцать лет в строю

Недавно в деревню Алексево Н.Ентальского сельсовета Николаю Сергеевичу и Ангелине Ивановне Жерихиным пришло письмо, а в нем армейская газета. С первой страницы глянул на родителей их сын, офицер авиации Александр.

Нелегкую службу несет А. Н. Жерихин, о чем и поведала статья, которую мы с разрешения родителей ее героя перепечатываем сегодня.

Ах, какие в Алексево зорьки тихие! Выйдет, бывало, Николай Сергеевич Жерихин за околицу, закинет за спину ружьишко и двинет по нехоженым тропам осматривать свое лесное хозяйство. А рядом, конечно же, сын Санька. Ангелина Ивановна, Санькина мать, только и скажет вслед: — Счастливой дороги, мужички. К завтраку не опоздайте. Да какое там! Иной раз и обедать не возвращаются. Столько в лесу интересного, а отец — рассказчик не хуже Паустовского. Да и то сказать — и лесничий профессиональный, и егеря отличный.

— Вот подрастешь, сынок, сделаю из тебя знатного лесовода, — по-вологодски окая, обещает отец.

— Не-е — тянет Санька, сбивая прутом макушку чертополоха, — хочу в небе летать.

— Ишь ты, чего задумал, — треплет курчавую голову сына Николай Сергеевич. — А вот как не лущу?

— А я убегу.

— Ого! — удивляется отец и с хитрецей добавляет: — Ну, расти, расти.

Николай Сергеевич, конечно же, думает, что это детские капризы. Мало ли кем мы бываем в мечтах в возрасте десяти — двенадцати лет. Но уже прочитана взалехб и выгучена наизусть книга «Кем быть?», уже поднялся в космос Гагарин, и уже дана клятва Мишке Летовальцеву, самому закадычному другу, на верность авиации. Так что отступать было некуда.

Но, говорят, человек предполагает, а судьба располагает. Сунулся, было, после школы в училище — и не прошел врачебную комиссию. Сердчишко подвело. И когда загнать успел? Разве что лыжные спринты сыграли злую шутку? В Алексево школы — десятилетки не было, вот и приходилось два последних года бегать в район за пятнадцать километров.

Однако жизнь продолжалась, и, подумав, решил Александр поступить в вологодское профессионально-техническое училище. Начальник его, капитан второго ранга в запасе Кузнецов Николай Иванович, еще не связавшись с новой должностью, тосковал по армии, по флотскому порядку и был ярким пропагандистом офицерской профессии. Узнав о тайной мечте Александра Жерихина, немедленно прореагировал:

— Не отступай и не драйфы! «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них вступает в бой...» Иди-ка, милый друг, в аэроклуб, — посоветовал. — все ближе к мечте.

И Жерихин стал парашютистом. А через год, настолько

влюбился, что чуть не изменил своему первоначальному решению — захотелось стать десантником...

И снова он на врачебно-летной комиссии. И опять — вот невезуха! — попал к тому же врачу — кардиологу. Но на этот раз обошлось.

— Ну ладно, — говорит, — будешь летать.

— Только вы уж, пожалуйста, направьте меня в истребительное училище, — попросил Александр военкома.

— Вот. Опять! — развел руками военком. — И этот — в истребительное. Да что оно, медом мазаное? Ну хорошо, хорошо, — смягчился он, прочитав на лице юноши решительный протест. — Будет вам истребительное.

И послал... в вертолетное. Разочарованию Жерихина и его попутчиков не было предела. Вся жизнь летать на таком «аэродинамическом безобразии» они не собирались.

— Подождите, ребята, — успокаивал обманутых классный руководитель капитан Терентьев. — Присмотритесь, подумайте хорошенько, взвесьте. Вертолетчик — это и гражданская профессия, между прочим. И Жерихин остался.

Целый год, занимаясь теорией, его терзали муки сомнения в правильности своего решения. Но потом, взявшись за ручку управления Ми-1, он понял, что его никому от нее не оторвать.

Любимое дело никогда не бывает в тягость. И время за ним летит птицей. Не успел, казалось Жерихин прикипеть к училищу, а уже пора поки-

дать родные пенаты.

— Надеюсь, — сказал на прощание самый любимый Александром воспитатель капитан Пронин, — что питомцы школы не посрамят чести и достоинства своего наставника.

— Будьте уверены, Виктор Иванович, — ответил за всех Жерихин, взяв под козырек. И веселый, заводной, никогда не унывающий Пронин, разницы которого слушать доставляло удовольствие, вдруг погрузился и отвернулся.

Лейтенанту А. Жерихину крупно повезло. Поскольку выпускник окончил училище с отличием, ему по неписаному закону предоставлялось право выбора округа. Он остановился на Белорусском. В принципе, было все равно, где начинать службу. Но туда направлялся Гена Этьев — верный и неизменный товарищ по учебе. Здесь-то в одной из частей и произошла встреча Александра с Анатолием Ребровым — страстным поклонником парашютного спорта. Он, узнав, что Жерихин увлекался прыжками еще в аэроклубе, немедленно вовлек его в команду. Потом они крепко подружились, да так и остались друзьями на всю жизнь.

А пока выполняли полетные задания. У него еще не было достаточного опыта, но имелось неистощимое желание выполнять свою работу добротной, основательно, как это всегда делал отец. И вскоре успех пришел, а вместе с ним и уважение товарищей.

Про прыжки с парашютом Александр тоже не забывал. Участвовал в соревнованиях и

небезуспешно, число прыжков возросло до шестисот. Команда блистала на состязаниях. Да и всякого рода комиссиям было что показать.

... В июле восемьдесят третьего года Жерихина вызвали в кабинет командира.

— Мы составляем команду для отправки в Кабул, Александр Николаевич, — сказал он. — Есть мнение включить в список и ваш экипаж. Что вы на это скажете?

— А что тут говорить, — ни на минуту не задумываясь, ответил капитан. — У нас профессия такая — защищать завоевания революции.

— Другого ответа не ожидал, — одобрительно кивнул командир.

— Готовьтесь.

Через месяц А. Жерихин был уже в Афганистане. А через три дня вылетел на боевое задание.

Подразделением, в котором служил Александр, командовал подполковник В. Павлов — будущий Герой Советского Союза. Виталий Егорович слыл тактически грамотным, творчески думающим человеком. Под пулеметные очереди зря не посылал, но и не упускал из рук победу. Операции разрабатывал тщательно, с привлечением лучших тактиков и исполнителей. Жерихин на себе не раз испытывал мудрость его советов и указаний. А работать приходилось много. Бывало, до десятка боевых вылетов за сутки выполняли. Большинство из них стерлось в памяти, но один навсегда врезался и живо хранится в подсознании. Проводилась операция по ликвидации мятежников. Обстановка обострилась не в пользу наших десантников. Чтобы зря не рисковать людьми, было принято решение эвакуировать воздухом зажатых в клещи мотострелков. Звено безукоризненно выполнило эту задачу, но одной из групп недосчиталось.

— Вот что, Медеян, — сказал Александр своему ведомому, — знаю, что все чертовски устали, но лететь надо.

— Есть командир! — коротко ответил тот и кинулся к вертолету!

Когда пара подходила к месту боя, авиационный наводчик передал:

— Бьют со всех сторон, не дают подняться! Поработайте по ним, ребята! Иначе и вас снимут.

— Атакуем с ходу! — бросил в эфир командир, сбрасывая предохранительную скобу с боевой кнопки. — Прикрой.

Залпы ракет поубавили боевой дух душманов. И только после этого подобрали остатки группы.

— Есть ли еще люди? — спросил Жерихин одного из спасенных.

— Кажется, все.

— Володя, — обратился к Медеяну командир. — полетай над полем, а я еще в камнях пошарю...

Он неторопливо заскользил змейкой над землей и в сотне метров от места посадки обнаружил еще двоих.

— Командир, — тревожно сообщил ведомый, — взлетай, по тебе стреляют.

— Вижу, Володя, вижу, — разгоняя машину, ответил Жерихин. И вдруг почувствовал, что вертолет на движение педалями не реагирует.

— Ваня, посмотри, что там. Через минуту бортовой механик Иван Литовченко с присутствием ему невозмутимостью доложил:

— Нормально, командир. Троса перебили.

— Ну, раз нормально, то летим...

Вскоре они приземлились на аэродроме. Зарулили на стоянку, и ручка управления застыла. При осмотре выяснилось, что вся гидросистема изрешечена, а смеси в гидроблоке осталось два литра.

— Ну, мужики, — весело сказал Жерихин, — считай, что второй раз родились...

Взаимодействие с десанниками, корректировка огня, наведение на цели, как правило, происходило через эфир. В лицо друг друга почти не знали. Но позывные смелых и храбрых вертолетчиков пехота запоминала навсегда.

Как-то Александр Жерихин после Нового года зашел в штаб. Смотрит, стоит майор в полевой форме десантника. По обычаю поздоровались. Майор спрашивает:

— Кто такой!

— Ноль сороковой, — отвечает Жерихин.

— О, ноль сороковой! Дай-ка я тебя, братец, расцелую! Ах, ты, чертушка! Как же ты нам помог! Жизнью обязан...

Вот за такую искреннюю, сердечную благодарность и шли вертолетчики в огонь.

За шестнадцать вырванных из лап смерти мотострелков, Александр Жерихин был награжден орденом Красной Звезды.

А второй, иностранный орден Красного Знамени, ему вручили потом от афганского правительства. Очищая местность от остатков душманских банд, вертолет Жерихина буквально облазил все горы Параллельно вывозили раненых, эвакуировали обнаруженные склады с боеприпасами и продовольствием, минировали отходы, обеспечивали другие рода авиации. Условия посадки ни в какие инструкции не входили. Как сажались? Нормально сажались. Сеть можно, если нужно.

Не все, конечно, гладко сходило у Жерихина. Был как-то момент, о котором до сих пор вспоминает со стыдом. Работая в спокойной обстановке «упал» на взлете, как последний мальчишка. Он и сейчас продолжает думать, что скорее всего подустал, притупил бдительность. Минут двенадцать (всего-то ничего) поработал в холостую на площадке, перед взлетом не определил направление ветра (а он крутил, как оглашенный). И поплотился. На взлете, будто скалой, сверху придавило, и так трахнуло о землю, что чудом живы остались.

Вот и учит теперь молодежь А. Жерихин бдительности. И говорят, неплохо учит. Во всяком случае со своими подчиненными он готов, куда угодно. Летчики у него такие, что вопросов нет. Молодцы! На них можно положиться...

На снимке: А. Жерихин.